

ИЗУЧЕНИЕ ГЛАГОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В XXI ВЕКЕ: 50 ЛЕТ КНИГЕ А. В. БОНДАРКО И Л. Л. БУЛАНИНА «РУССКИЙ ГЛАГОЛ»

М. Д. Воейкова

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург
maria.voeikova@gmail.com

Аннотация. Статья представляет собой предисловие к сборнику избранных докладов конференции 2017 года, посвященной 50-летию выхода в свет книги «Русский глагол» А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина. В ней рассматриваются основные теоретические проблемы, которые обсуждались на конференции, и коротко характеризуются основные тематические разделы данного выпуска. Подчеркнута актуальность и теоретическая нейтральность описания грамматической системы русского глагола А. В. Бондарко и Л. Л. Буланиным, важная роль этой книги в современных учениях о русской видо-временной системе. Современные представления о грамматической системе русского глагола претерпели значительные изменения: 1) в связи со стремительным развитием типологических исследований возникла необходимость соотношения русских грамматических терминов с теми, которые используются для описания других языков; 2) корпусные исследования дали возможность «микродиахронического» анализа актуальных процессов, протекающих в современном языке; 3) расцвет психо- и онтолингвистики позволил глубже проникнуть в процесс речепорождения и реального использования говорящим системы глагольных форм; 4) в связи с развитием техники произошел значительный прорыв в описании особенностей разговорной речи; 5) при этом остались актуальными сопоставительные и исторические исследования.

Ключевые слова: русский глагол, вид, аспектуальность, залог, микродиахрония, детская речь, типология.

**Studying Russian verb system in the XXI century:
50 years of the book “Russian verb” by A. V. Bondarko
and L. L. Bulanin**

M. D. Voeikova

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy
of Sciences, St. Petersburg
maria.voeikova@gmail.com

Abstract. This is the preface for the collection of selected papers presented at the International conference dedicated to the 50-th anniversary of the book “Russian Verb” by A. V. Bondarko and L. L. Bulanin held in 2017 at the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences in Saint Petersburg. It outlines the basic problems discussed at the conference and gives a short presentation of the five thematic sections of this volume. The description of the Russian verb system by Bondarko and Bulanin is theoretically neutral and thus remains relevant even now, enjoying a high citation index. At the same time, modern studies have significantly changed some views on the Russian verbal system: 1) the rapid developments in typology make it necessary to bring the Russian grammatical, especially, aspectological, terminology in line with that applied internationally; 2) corpus linguistic studies open a way for “microdiachronic” analyses of the actual processes taking place in modern Russian; 3) recent achievements in psycho- and ontolinguistics allowed to better understand the process of speech production and verb form acquisition; 4) recent advances in technology have led to a breakthrough in spontaneous speech descriptions; and 5) comparative and diachronic studies have not lost their relevance either.

The volume is split into 5 parts. Part 1 includes papers on theoretical and comparative studies. Gorbova analyzes the consistency of aspectual pair formation. Her main point is to show that Russian aspect is rather an inflectional than a derivational category. Milliaressi proposes that Russian past tense forms may carry the extra meaning of evidentiality. Kocková investigates Russian and Czech converbs from a comparative perspective. Several papers address spontaneous spoken Russian. Bogdanova-Beglarian proposes a theoretical analysis of the process wherein verbs are transformed into pragmatic markers. Her second paper, co-authored with Maslova, and the paper by Blianova consider the development and use of such discourse markers. Tseitlin describes typical slips of the tongue with verb phrases found

in the speech of adult, educated native speakers of Russian. Iakovleva discusses grammatical restrictions on the use of speech verbs. Two papers deal with the diachronic perspective. Plungian and Urmanchieva show that some perfect tense forms with copula have a focusing, rather than a temporal function. Skachedubova proposes a new interpretation for the pluperfect-like forms found in the earliest Russian chronicles.

Three authors propose micro-diachrony probes. Akhapkina addresses modern lexical-choice changes in the speech of native speakers compared to that found in works by Ivan Turgenev. Zhukova describes the discourse markers *kak khochesh* 'as you want' and *kak znaesh* 'you know better' and a history of their use in the course of the last three centuries. Kitajo addresses some changes in the position of converbs and verbs found in direct speech constructions.

The last section deals with child language. Eismont analyses acquisition of phase verbs by Russian monolingual children, whereas Dobrova and Ringblom treat aspectual distinctions in the speech of Russian-Swedish bilinguals. We hope that this selection of papers will be useful for both general linguists and experts in respective specific domains.

Keywords: Russian verb, aspect, aspectuality, voice, microdiachrony, child language, typology.

Статьи, представленные в этом выпуске, являются итогом международной конференции «Русский глагол: К 50-летию выхода в свет книги А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина», проведенной совместно СПбГУ и ИЛИ РАН на базе ИЛИ РАН 15–17 ноября 2017 года. Мы надеемся, что в результате интенсивной работы рецензентов, редакторов и авторов содержание статей оказалось более разработанным по сравнению с первоначальной версией докладов, поэтому публикация материалов через 2 года после самого события не является досадной задержкой, а только позволяет прояснить и углубить авторские позиции. Идея этой необычной конференции пришла в голову тогдашнему проректору СПбГУ С. И. Богданову, который в настоящее время является ректором РГПУ им. А. И. Герцена. Кажется, мы так и не поблагодарили его за эту счастливую мысль и с удовольствием делаем это сейчас. Необходимость широкого обсуждения книги через 50 лет после ее выхода в свет объясняется ее исключительным местом в ряду исследований грамматической системы русского глагола и значительным прогрессом, который произошел в этой области и требует детального анализа и осмысления.

Книга «Русский глагол» (далее РГ–1967) — одна из наиболее цитируемых книг по русской морфологии. В России (что удивительно) она никогда не переиздавалась, существует во всех библиотеках в издании 1967 года, зато дважды была переиздана в Чехословакии. Вероятно, причина заключается в том, что книга написана в соавторстве, и оба автора после ее выхода в свет занимались каждый своей любимой проблематикой, не заботясь о дальнейшей ее судьбе: А. В. Бондарко выпустил в свет «Вид и время русского глагола» [1971], а Л. Л. Буланин начал работать над «Трудными вопросами морфологии» [1976]. Помимо расхождений в тематике, была заметна и разница в подходах авторов к описанию глагольных категорий: если в разделах А. В. Бондарко применялись основы функционального подхода, то глава о залоге, написанная Л. Л. Буланиным, основывалась на анализе грамматического содержания залоговых оппозиций. Однако соединение двух подходов в книге РГ–1967 было органичным и отвечало тому, что сейчас все чаще называют теоретической нейтральностью. Функциональный подход А. В. Бондарко в разделах о виде и времени в первую очередь опирался на формальное выражение описываемых значений. Так, способы действия рассматриваются в порядке от характеризованных (имеющих формальные словообразовательные средства выражения) к нехарактеризованным (которые в современной литературе все чаще называют акциональными классами). Семантика временных форм также сгруппирована на основе формальных показателей того, что в других языках принято называть *tenses*, а в русском языке описано как система времен. В каждой главе, написанной А. В. Бондарко, есть разделы, охватывающие не только морфологические, но и лексические и синтаксические средства выражения данной функционально-семантической категории (например, «Вид и аспектуальность», «Время и темпоральность»).

Глава «Залог», написанная Л. Л. Буланиным, является исходно формальной, однако и в ней проводятся существенные семантические разграничения. Так, автор обращает внимание на различие между формами пассива и специальными возвратными глаголами, указывая на омонимические отношения между ними. Он отмечает, что в первом случае постфикс *-ся* является формообразующим, а во втором — словообразующим, ср. примеры Л. Л. Буланина (1–2) [Бондарко, Буланин 1967: 152]:

- (1) Письма разносятся почтальоном (возвратная форма страдательного залога глагола *разносить*);
- (2) Звуки песни далеко разносятся в тишине (форма действительного залога глагола *разноситься*).

Иными словами, уже в РГ–1967 было обозначено отличие форм страдательного залога от лексикализованных возвратных глаголов, которые являются, в отличие от форм пассива, воспроизводимыми лексическими единицами.

Успех и неизменная высокая цитируемость книги «Русский глагол»¹ объясняется тем, что в ней подробно и теоретически нейтрально рассмотрены основные глагольные категории, причем описаны не только общие и частные значения форм, но и более маргинальные, обусловленные контекстом употребления, в том числе переносные и относительные [1967: 98–114]. Именно поэтому «Русский глагол» вошел во все рекомендательные списки пособий по морфологии русского языка как наиболее компактный и содержательный справочник по русской глагольной системе. Не в последнюю очередь долговременный успех объясняется тем, что для этой книги характерно строгое и последовательное использование терминов, в первую очередь, аспектологических. Она позволила упорядочить описание глагольных категорий не только в русском языке, но и в типологической литературе на русском языке, хотя терминологические споры не утихают и сейчас.

В последнее время для разграничения грамматализованного вида, присущего славянским языкам, и различных способов обозначения характера протекания действия в других языках все чаще используются разные термины: «вид» и «аспект». Это разграничение опирается на точку зрения Ю. С. Маслова, в соответствии с которой следует отличать грамматическую категорию вида, присущую славянским языкам (и с некоторыми оговорками — ряду неславянских языков), от различных аспектуальных значений, передаваемых частично лексически, а частично при помощи контекста или

---

¹ В системе eLIBRARY.RU зафиксировано 359 ссылок на РГ–1967 при средней цитируемости по направлению 14,6. Около 30 ссылок приходится на 2018–2019 годы. Очевидно, что в системе не отражается всей области цитирования, так как огромная часть лингвистической литературы конца XX в. по разным причинам не попала в список.

средствами «скрытой грамматики». В. А. Плунгян эксплицитно разграничивает понятия вида и аспекта: «В русской типологической литературе закрепляется тенденция использовать термин *вид* применительно к славянской оппозиции совершенный ~ несовершенный вид, а термин *аспект* — для описания любых грамматических противопоставлений, принадлежащих данной семантической зоне (так что славянский вид оказывается, вообще говоря, частным случаем универсального аспекта)» [2000: 293]. В этом определении речь идет о семантическом противопоставлении рассматриваемых понятий: *аспект* оказывается семантически более широким по сравнению с бинарным противопоставлением НСВ / СВ и потенциально может отражать и другие особенности протекания действия во времени, помимо длительности, повторяемости или наличия результата.

Разграничение вида и аспекта проводится в большинстве современных грамматических работ, особенно в тех из них, которые имеют типологическую или компаративную направленность, ср., например, сходное определение понятия «аспект» в более поздних работах В. А. Плунгяна [2011: 280–315; 2012: 9–25] и Е. В. Горбовой [2017: 32–33]. Описывая аспектуальные системы языков мира, В. А. Плунгян обращает внимание еще на одну существенную проблему: анализ аспекта даже в неславянских языках часто опирается на бинарное противопоставление целостного / нецелостного действия (в терминологии А. В. Бондарко) или перфективного / неперфективного «ракурсов» (в трактовке К. Смит), в то время как в языках мира аспект может иметь гораздо более сложную и разветвленную структуру, включающую в качестве компонентов такие граммы, как перфектив, дуратив, перфект и хабиитуалис [Плунгян 2012: 10–12].

Для русской аспектологической традиции наиболее существенными оказываются признаки грамматической выраженности вида (в славянских и в греческом языках), а также его облигаторности. Эти значения и функции, объединенные в «систему противопоставленных друг другу рядов морфологических форм» (по определению морфологической категории А. В. Бондарко [2005: 20]), и обозначаются в настоящее время термином *вид* применительно к славянским языкам. Более широкое понятие *аспектуальность* подразумевает передачу тех же (или подобных им) семантических различий либо неграмматическими средствами, либо грамматическими средствами

при условии их необлигаторности. Иными словами, в современной русистике сложилась, в принципе, нежелательная ситуация употребления дублирующих терминов: если *вид* понимается в целом одинаково и русистами, и типологами, то между терминами *аспект* и *аспектуальность* существует не только зона пересечения, но и некоторые различия.

Есть исследователи, которые используют в различном смысле все три термина, см., например, определение Е. В. Петрухиной: «Термин “глагольный вид” употребляется по отношению к русскому и другим славянским языкам, в которых это отдельная морфологическая категория. По отношению же к неславянским языкам, где в глаголе и его временных формах также могут выражаться характеристики протекания действия, целесообразнее использовать термин “аспект”, обозначающий универсальную семантическую категорию глагола. (...) *Аспектуальность* определяется как семантическая категория, характеризующая протекание и распределение действия во времени, а также как функционально-семантическое поле (ФСП) разных языковых средств, объединенных этим категориальным значением» [Петрухина 2009: 44]. Для Е. В. Петрухиной оказывается существенным, что *вид* и *аспект* выражаются в глаголе и его формах в первом случае в виде морфологических противопоставлений, а во втором случае, возможно, в виде лексических или словообразовательных классов. Так, для описания существенных функциональных различий между славянскими языками используется все-таки узкий термин *вид* [Петрухина 2019]. Средства же выражения аспектуальности могут оказаться за пределами глагольной формы, в каком-либо из элементов контекста.

При сравнении русского материала с данными языков, имеющих другую аспектуальную систему (например, с германскими или романскими языками) чаще используется типологический термин *аспект*, ср. определение Е. В. Горбовой: «В данном исследовании мы следуем хоть и не слишком долгой, но уже вполне сложившейся традиции, в соответствии с которой термину *аспект* отдается предпочтение, когда речь идет о соответствующей грамматической категории либо применительно к неславянским языкам (в нашем случае — к испанскому и английскому), либо в типологическом ракурсе» [Горбова 2017: 32]. Нужно полностью согласиться с мнением Е. В. Горбовой о том, что такое разграничение согласуется с концепцией Ю. С. Маслова, однако нам кажется

противоречивым употреблением в данной цитате и в заглавии книги сочетания *грамматическая категория аспекта*. Специфика термина *аспект*, на наш взгляд, как раз и состоит в том, что он может не составлять отдельной грамматической категории в языке, а выражаться при помощи лексических или словообразовательных показателей или на уровне специальных временных форм, как в германских или романских языках. Из этого краткого экскурса становится понятно, что аспектологическая терминология и через 50 лет после выхода в свет РГ–1967 не окончательно устоялась, однако вопрос о содержании категории вида в настоящее время значительно разработан на материале разноструктурных языков, что позволило выделить как идиозмические, так и универсальные его характеристики. В нашей подборке представлена теоретическая статья Е. В. Горбовой о статусе категории вида в русском языке. Привлекая новые корпусные данные, автор статьи показывает, что вторичная имперфективация приставочных глаголов является значительно более регулярным процессом, чем было принято считать ранее, таким образом, укрепляя представление о словоизменительном характере категории вида в русском языке.

На конференции 2017 года был представлен доклад В. С. Храковского, в котором защищался альтернативный взгляд — о словоклассифицирующем характере категории вида. А. В. Бондарко придерживался промежуточной точки зрения и называл категорию вида «непоследовательно коррелятивной» [Бондарко 2005: 71–89]. В докладе В. С. Храковского рассматривалась также проблема инвариантного значения видов: для СВ постулировалась общая идея «изменения», а для НСВ — идея «неизменности». Видовые различия противопоставлялись более регулярным с точки зрения грамматической выраженности временным различиям [Международная 2017: 158–163]. Сопоставление категорий вида и времени в русском страдательном залоге рассматривалось на конференции и в докладе Е. В. Петрухиной, которая показала, что употребление пассива в русском языке тесно связано с семантикой «стихийности, произвольности, отчасти неконтролируемости» [Международная 2017: 118]. Иными словами, конференция показала перспективность линии исследования, намеченной в РГ–1967: не до конца ясные правила употребления отдельных форм обычно объясняются заложенными в них дополнительными смыслами, которые пока еще не получили исчерпывающего описания. Сходные идеи в нашей

подборке статей развиваются Т. В. Миллиареси: она усматривает выражение скрытой эвиденциальности в формах прошедшего времени любых глаголов, но с наибольшей частотностью — глаголов модальных. Хотя не все эксперты соглашаются с такой трактовкой и авторским анализом примеров, статья представляет интересный материал для интерпретации и возможной полемики. Статья Я. Коцковой посвящена сопоставительному исследованию средств выражения таксиса в русском и чешском языках. Несмотря на близость грамматического строя славянских языков, в них могут наблюдаться существенные различия: так, по данным Я. Коцковой, в чешском языке деепричастия нельзя отнести к основным средствам выражения таксиса (в отличие от русского), так как они постепенно выходят из употребления. Утрата ядерных компонентов поля таксиса влечет за собой существенные последствия для всей языковой системы: на смену деепричастиям приходит разветвленная система периферийных средств выражения временного соотношения действий. Эти наблюдения особенно важны в свете высказанных в последнее время гипотез А. Барентсена, С. Дики и Е. В. Петрухиной о значительных ареальных различиях в видо-временных системах славянских языков.

В свете сопоставительного изучения русской глагольной системы особую роль играет интерес к истории ее формирования: анализ русского глагола отнюдь не исчерпывается синхроническим описанием, для которого обязательно детальное проникновение в то, насколько изменился набор функций отдельных форм. В нашей подборке это направление представлено целым рядом статей. Так, В. А. Плунгян и А. Ю. Урманчиева, анализируя формы перфекта в «Повести временных лет», приходят к выводу, что перфект со связкой в этом тексте имеет не столько временную, сколько информационно-структурную функцию и связан с фокусным выделением. Это новое представление о роли перфекта и его противопоставлении формам аориста с учетом выделительной функции до сих пор не высказывалось в русистике, однако хорошо согласуется с новыми типологическими данными о функционировании аналитических форм глагола. Авторская интерпретация некоторых построений, по форме напоминающих плюсквамперфект, дается в статье М. В. Ермоловой. Она показывает, что в ряде случаев сочетания глагола *быти* в пр. вр. с л-формой трудно интерпретировать как плюсквамперфект, поскольку такое истолкование не соответствует

контексту. По-видимому, эти случаи нужно рассматривать как свободные синтаксические сочетания. Возможно, они, подобно рассмотренным выше формам перфекта, должны получить объяснение с точки зрения информативной структуры предложения или текста.

Ряд статей можно отнести к исследованиям «микродиахронии»: в них описываются изменения в употреблении русских глагольных форм на протяжении последних трех столетий. Статья Я. Э. Ахапкиной посвящена изменениям в языковом употреблении, которые произошли в течение последних двухсот лет: она рассматривает непривычные конструкции с глаголами в повести И. С. Тургенева «Ася». Оказывается, неувлимые изменения наблюдаются и в лексическом выборе, и в сочетаемости, и в семантической интерпретации глагольных сочетаний; кроме того, значительные сдвиги произошли и в употреблении отдельных существительных и прилагательных. С. Ю. Жукова анализирует различия в статусе и использовании разговорных формул *как знаешь* и *как хочешь*: если первая фактически выходит из употребления, то вторая, напротив, «набирает обороты». Обе конструкции встречаются в двух разных типах контекстов — двухчастном и трехчастном. Автор приходит к выводу об их композициональности, несмотря на высокую частотность и воспроизводимость. Статья М. Китадзё рассматривает микродиахронические изменения в употреблении русских глагольных форм, точнее, в их позиционном расположении по отношению к конструкциям прямой речи, которые он рассматривает как эмоциональные и смысловые доминанты художественного текста. В этом смысле его статья перекликается с наблюдениями Я. Коцковой: подсчеты М. Китадзё демонстрируют, что вид глагола косвенным образом «влияет» на степень удаленности от прямой речи; глаголы СВ на протяжении XIX века располагаются все ближе к конструкциям прямой речи, в то время как глаголы НСВ значительно удалены от последних.

В данной серии статей отражены не все темы РГ–1967 и далеко не все проблемы, которые обсуждались на конференции; это было бы невозможно, однако по материалам конференции [Международная 2017] можно судить о том, какие аспекты изучения русской глагольной системы оказались наиболее актуальными в наши дни. Целая серия докладов была посвящена разговорной форме русского языка, серьезное изучение которой Е. А. Земская начала с записи текстов, произнесенных в формальной и неформальной обстановке,

причем известно, что информанты Е. А. Земской были высокообразованными людьми. В РГ–1967 не были затронуты проблемы разговорной речи; вероятно, и А. В. Бондарко, и Л. Л. Буланин считали описание языковой системы достаточным для анализа и устной, и письменной разновидности речи. Такая точка зрения была распространена в то время, ср., например [Адмони 1994: 51–85]. В наши дни особенности устного регистра стали предметом интенсивного изучения в связи с появлением множества корпусов, включающих или прямо ориентированных на спонтанную устную речь.

Данные разговорной речи представлены в этом сборнике работами научного направления, развиваемого Н. В. Богдановой-Бегларян на основе корпуса «Один речевой день», который собирается и обрабатывается на филфаке СПбГУ. Основной пафос этих работ состоит в том, чтобы показать переход от полнозначной лексической единицы к так называемой «прагматеме» — слову или выражению со стертым лексическим значением, которое служит прагматическим целям коммуникации, например, является «ксенопоказателем», т. е. позволяет говорящему продемонстрировать, что он дистанцируется от содержания речи и передает мнение кого-то другого. В нашем выпуске представлены общетеоретическая статья Н. В. Богдановой-Бегларян о путях и разновидностях прагматизации, а также статья, написанная ею в соавторстве с Е. Р. Масловой, о русских контактных глаголах (типа *слушай*, *смотри*, *видишь* и т. д.). Наиболее интересные находки в этих статьях связаны с описанием семантических функций новых лексических единиц. Позиционным свойствам русских контактных глаголов (на примере глагола *слушай*) посвящена и статья О. В. Блиновой. В ней рассматривается связь между контактными глаголами, которые названы здесь дискурсивными маркерами, и разговорными вокативами типа *слушай*, *Коль*. Первоначальная гипотеза о функциональном сходстве между вокативами и дискурсивными маркерами при выборе позиций не подтвердилась; напротив, исследование показало важные различия между этими близкими по функции единицами речи.

Содержание статей показывает, насколько захватывающим оказывается путь описания значений разговорных форм, хотя даже из сопоставления этих трех статей становится ясно, что терминология и методика подобных исследований находятся в процессе становления. А. В. Бондарко с большим интересом относился к конкретным исследованиям, основанным на анализе живого языкового

материала. Вспоминая о том, что в советской науке такой анализ нередко презрительно называли «мелкотемьем», он неизменно подчеркивал важность внимательного отношения к конкретным языковым фактам. На конференции 2017 года мелких тем не было: рассмотрение отдельных форм и лексем сопровождалось детальным теоретическим и исследовательским комментарием. Статья И. В. Яковлевой посвящена конструкциям с глаголами речи (в основном *говорить* и *сказать о / про*). В дополнение к своим предыдущим публикациям о глаголах речи, автор исследует в данном случае их видовые предпочтения и особенности их функционирования в предложениях с прямой речью и изъяснительными придаточными. Вырисовывается сложная картина связи между отдельными значениями глаголов, их видовой характеристикой и особенностями их управления. Так конкретные исследования добавляют детали к общей картине взаимодействия лексики и грамматики, которая была намечена авторами РГ–1967.

Одним из важных направлений функциональной грамматики в последние десятилетия стало изучение особенностей детской речи — освоения родного языка ребенком. На конференции это направление исследований было представлено работами, проводимыми в Отделе теории грамматики ИЛИ РАН К. А. Ивановой, В. В. Казаковской, М. Д. Воейковой [Международная 2017: 66–68, 72–74, 37–39], Н. В. Гагариной из Берлина, Н. Рингблом из Стокгольма и Г. Р. Добровой (РГПУ им. А. И. Герцена), а также П. М. Эйсмонт (СПбГУ) [Там же: 43–45, 134–136, 175–177]. Речь шла как об усвоении русского языка детьми в русскоязычном окружении, так и о билингвизме в условиях другого доминирующего языка. В этом томе детская речь русских монолингвов рассматривается в статье П. М. Эйсмонт об усвоении детьми фазовых глаголов на материале обширного экспериментального исследования. Как выяснилось, семилетние дети фактически обладают сформировавшимися представлениями о фазах действия, в то время как в младшей возрастной группе наблюдаются важные особенности: судя по всему, маленькие дети плохо различают делимитативы и результативы, абсолютизируя начальное представление о целостности действия. С. Н. Цейтлин, одна из основоположниц данного направления, на этот раз сосредоточила свое внимание на анализе речевых сбоев и оговорок в речи взрослых носителей языка. Однако оговорки в речи взрослых объясняются теми же основными

«процедурными» правилами, что и ошибки в речи детей-дошкольников, как минимум, в области глагольного формообразования. Статья Г. Р. Добровой и Н. Рингблом посвящена особенностям употребления видовых форм русско-шведскими детьми-билингвами. Материал собран при помощи лексического теста, но основное внимание в данной статье уделяется процессу выбора глагольных лексем СВ или НСВ, который у билингов, как оказалось, отличается от моноязычных носителей русского языка.

Представленный набор статей широк по тематике и объединен только общим предметом рассмотрения — русской глагольной системой в синхронии и диахронии, в разных речевых жанрах, в сопоставлении с другими языками и с точки зрения онтолингвистики. Мы надеемся, что эти статьи окажутся полезны широкому кругу лингвистов, занимающихся не только славистикой, но и другими языками, а также специалистам по теории грамматики.

Литература

- Адмони 1994 — В. Г. Адмони. Система форм речевого высказывания. СПб.: Наука, 1994.
- Бондарко 1971 — А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола: значение и употребление. М.: Просвещение, 1971.
- Бондарко 2005 — А. В. Бондарко. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: Языки славянских культур, 2005.
- Бондарко, Буланин 1967 — А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. Русский глагол. М.; Л.: Просвещение, 1967.
- Буланин 1976 — Л. Л. Буланин. Трудные вопросы морфологии. Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1976.
- Горбова 2017 — Е. В. Горбова. Грамматическая категория аспекта и контекст (на материале испанского и русского языков). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2017.
- Международная 2017 — Ю. П. Князев (предс. ред. колл.). Международная научная конференция «Русский глагол» (к 50-летию выхода в свет книги А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина). Санкт-Петербург, 15–17 ноября 2017 г. Тезисы докладов. СПб.: Нестор-История, 2017.
- Петрухина 2009 — Е. В. Петрухина. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). М.: МАКС Пресс, 2009.
- Петрухина 2019 — Е. В. Петрухина. Интерпретация видовых различий между русским, чешским и словенским языками // *Slavistična Revija*. 2019. Letn. 67. No 1. С. 31–49.

- Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: УРСС, 2000.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Плунгян 2012 — В. А. Плунгян. Предисловие // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2012. Т. VIII. Ч. 2. С. 9–42.

References

- Admoni 1994 — V. G. Admoni. Sistema form rechevogo vyskazyvaniya [The system of forms of a speech utterance]. St. Petersburg: Nauka, 1994.
- Bondarko 1971 — A. V. Bondarko. Vid i vremya russkogo glagola: znachenie i upotreblenie [Aspect and tense of the Russian verb: meaning and use]. Moscow: Prosveshchenie, 1971.
- Bondarko 2005 — A. V. Bondarko. Teoriya morfologicheskikh kategoriy i aspektologicheskie issledovaniya [Theory of morphological categories and studies in aspectology]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2005.
- Bondarko, Bulanin 1967 — A. V. Bondarko, L. L. Bulanin. Russkiy glagol [Russian verb]. Moscow; Leningrad: Prosveshchenie, 1967.
- Bulanin 1976 — L. L. Bulanin. Trudnye voprosy morfologii. Posobie dlya uchiteley [Difficult questions of morphology. A handbook for teachers]. Moscow: Prosveshchenie, 1976.
- Gorbova 2017 — E. V. Gorbova. Grammaticheskaya kategoriya aspekta i kontekst (na materiale ispanskogo i russkogo yazykov) [The grammar category of aspect and the context (on the material of Spanish and Russian languages)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2017.
- Mezhdunarodnaya 2017 — Yu. P. Knyazev (ch. of ed. group). Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Russkiy glagol» (k 50-letiyu vykhoda v svet knigi A. V. Bondarko i L. L. Bulanina). Sankt-Peterburg, 15–17 noyabrya 2017 g. Tezisy dokladov [The International scientific conference “Russian verb” (in honour of the anniversary of the publishing of the book by A. V. Bondarko and L. L. Bulanin). St. Petersburg, 15–17 November 2017. The Book of Abstracts]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017.
- Petrukhina 2009 — E. V. Petrukhnina. Russkiy glagol: kategorii vida i vremeni (v kontekste sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy) [Russian verb: Categories of aspect and tense (in the context of modern studies in linguistics)]. Moscow: MAKS Press, 2009.
- Petrukhina 2019 — E. V. Petrukhnina. Interpretatsiya vidovykh razlichiy mezhdu russkim, cheshskim i slovenskim yazykami [Interpretation of aspectual

- differences between Russian, Czech and Slovenian languages]. *Slavistična Revija*. 2019. Vol. 67. No. 1. P. 31–49.
- Plungian 2000 — V. A. Plungian. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General morphology: An introduction to the problematics]. Moscow: URSS, 2000.
- Plungian 2011 — V. A. Plungian. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [An introduction to the grammar semantics: Grammar meanings and grammar systems of the languages of the world]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publishing House, 2011.
- Plungian 2012 — V. A. Plungian. *Predislovie* [Preface]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2012. Vol. VIII. Pt. 2. P. 9–42.